

Отрицательные высказывания и апофатическая семантика

Г. Л. Тульчинский
НИУ «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург;
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
gtul@mail.ru

Аннотация. Работа содержит попытку представить потенциал апофатического подхода в логической семантике. В этом плане особый интерес вызывают логико-семантические идеи Льюиса Кэрролла относительно отрицания. Прежде всего это относится к снятию ограничений на использование отрицательных терминов, которые являются субъектами суждений, то есть обозначают предметы рассуждения. Тем самым открываются новые перспективы синтеза логического анализа и феноменологии. doi: 10.52119/LPHS.2024.65.99.015.

Ключевые слова: апофатика, катафатика, логическая семантика, нонсенс, отрицание, субъектность, феноменология.

Negative Propositions and Apophatic Semantics

Grigorii L. Tulchinskii
NRU Higher School of Economics—St Petersburg; Immanuel Kant Baltic Federal University

Abstract. The work contains an attempt to present the potential of the apophatic approach in logical semantics. In this regard, Lewis Carroll's logical-semantic ideas regarding negation are of particular interest. This relates to the removal of restrictions on the use of negative terms which are subjects of propositions, that is, they designate the objects of reasoning. The review opens up new prospects for the synthesis of logical analysis and phenomenology.

Keywords: apophatic, cataphatic, logical semantics, nonsense, negation, subjectivity, phenomenology.

В современной логике и логической семантике доминирует установка на анализ объемных (экстенсивных, референциальных) отношений. Такой экстенсивизм выражает общую ориентацию европейского рационализма на позитивное знание, связанную со свойственной западному христианству катафатической установкой на представленность в этом мире характеристик Божественной сущности. Становление науки Нового времени как о-пытного знания, последующие научно-технические достижения — во многом следствия этого концептуального импульса.

Катафатический мейнстрим непустоты предметной области закрепился в аппарате логического анализа. Согласно Б. Расселу, логика не может оперировать пустыми понятиями и терминами, а только знанием о реальных предметах. Нагляден катафатичный отказ от оперирования «отрицательными терминами» в кругах Эйлера: отрицания (как дополнения) понятий не-А, не-В, не-С и т. д. оказываются в одной нерасчлененной области «не-...» (небытия).

Выявившиеся с конца XX в. проблемы позитивизма, сайентизма и «логоцентризма» выразились в том, что в динамике научного знания необходим учет социально-культурного и персонологического факторов, роли пустот, отсутствий, пробелов, умолчаний. Так, А. Бадью подчеркивает идею пустого множества, которое, не имея воплощения, присутствует между любыми числами в числовом континууме, представлено в любом множестве, позволяя различать его элементы, порождая универсализм отсутствия (пустоты, разрыва), задающий возможность любой ситуации [7]. В этой связи вызывает интерес обращение к логико-семантическому потенциалу апофатической установки, акцентирующей ценность именно иного, за пределами данности, не бытия, а небытия.

Апофатике, свойственной буддизму, восточному христианству, обычно отводится роль установки на откровение и мистический опыт. Между тем, этот подход не менее рационален. И он не столько противостоит катафатичности, сколько дополняет и обобщает ее. При этом апофатичность сохранялась и в европейской логико-философской традиции. Ярким примером может служить феноменология Э. Гуссерля, прошедшего серьезную подготовку по естественным наукам, математике и понимавшего феноменологию как точную науку, развивающую идеи Б. Больцано, Ф. Brentano, Д. Гильберта, Р. Декарта, Г. Кантора, Г. Лотце, А. Мейнонга, Г. Фреге (прямого учителя Гуссерля). Феноменологический анализ сводится, в конечном счете, к констатации фундаментальной роли трансцендентальной субъектности, которая сама по себе не является физической сущностью, но является условием познания. Современные исследования показывают сугубо семиотическую природу субъектности, возникающей с освоением наррации от первого лица [6; 11]. Как система с рефлексивным самоописанием, она противоречива, объединяя «нечто» с его отрицанием («ничто»). Она подобна пустоте А. Бадью, которая, не уместаясь в знаки, задает возможные «избытки» смысла, наполнения новым содержанием, самоизменения. Это делает субъектность универсальным интерфейсом смыслообразования, меняющим, совмещающим различные его контексты [3]. Интенциональность предстает не просто направленностью на объект, а самой возможностью конституирования предметности в трансцендентальном опыте как поле всех познавательных актов. Тем самым, буквально реализуется максима «нет объекта без субъекта», а субъектность раскрывается как источник предмета, буквально — логического субъекта (subject) суждения.

Трансцендентализм и интенциональность феноменологии — конструктивно апофатичны, открывая возможности дальнейших применений апофатического подхода, например в когнитивистике, исследованиях нейрофизиологии мозга, AI. Нетривиальные примеры апофатичности дает и логика. Примером может служить логическая система Льюиса Кэрролла (Ч. Л. Доджсона) [8–9]. Автор сознательно проверяет ее в «экстремальных» случаях суждений, по меньшей мере странных с точки зрения здравого смысла. Известные сказки и стихотворения классика нонсенса являются применением его логико-семантических идей, основная цель которых — сформулировать предельно общие правила рассуждения, которые, подобно улыбке Чеширского Кота, остаются после того, как здравый смысл из посылок исчезает.

Ранее было представлено подробное рассмотрение логико-семантических идей Кэрролла [2–5; 10]. Особое значение имеет его трактовка отрицания, отношение к которому в современной логике и эпистемологии достаточно своеобразно. С одной стороны, очевидно, что отрицание обладает большей логической силой, чем утверждение (соотношение верификации и фальсификации, роль отрицания в индукции), с другой — операции превращения, доказательства от противного, *reductio ad absurdum* предполагают тождество двойного отрицания и утверждения.

Кэрролом были предложены два метода логического анализа — диаграммы и индексная запись. Причем ключевую роль играют диаграммы, как классификации универсума рассмотрения с помощью конкретных свойств (признаков). Каждая из клеток диаграммы (часть универсума рассуждения) может быть помечена как занятая или пустая. При этом у Кэрролла отрицательный предикат «не-А» предстал обозначением части предметной области с таким же возможным экзистенциальным статусом, что и «А», а пересечение $\sim X \sim Y$ занимает такую же ограниченную часть плоскости, что и другие классы.

Идеи Кэрролла дают нетривиальные результаты в силлогистике, интерпретации которой (в

терминах логики классов, исчисления предикатов, геометрическая, арифметическая, теоретико-множественная и др.) неизбежно сталкиваются с проблемой — как выразить в логическом формализованном языке «непустоту» (экзистенциальность) терминов аристотелевской силлогистики, что обусловлено именно интерпретацией отрицания. Так, в системе Д. Гильберта модусы, в которых встречаются отрицательные термины-субъекты, должны отбрасываться, так как в них отрицается существование обозначаемых им предметов рассуждения [1]. Однако в логике классов, используемой Гильбертом, нет различий в семантическом статусе переменных, соответствующих субъекту и предикату. Как два члена дизъюнктивной / конъюнктивной связи они коммутативны. Да и сам Гильберт, допуская $s \& \sim p$, но отбрасывая $\sim s \& p$, в дальнейшем изложении свободно обращается с отрицанием, пользуясь законом де Моргана.

С катафатической точки зрения, отрицание выражает реальное отсутствие. С апофатической — логика изучает не реальное, а мыслимо возможное положение дел. В этом трактовка отрицания как реального отсутствия меняется пониманием $\sim s$ как класса, дополнительного к классу s , запрет оперирования которым логически не существует. Если учесть возможность перемены мест субъекта и предиката, а также допущение отрицательных терминов-субъектов и терминов-предикатов, то очевидно, что такая трактовка, с одной стороны, упрощает силлогистику, с другой — резко увеличивает число возможных корректных модусов умозаключений. Собственно кэрролловская силлогистика может быть представлена как система из 5 правил: двух схем получения заключения и трех схем отбрасывания силлогистических форм — в зависимости от распределения в них знаков отрицания. При этом правила отбрасывания совпадают с аксиоматической формулой Я. Лукасевича отбрасывания неправильных модусов аристотелевской силлогистики [4].

В силлогистике Кэрролла существует только два типа простых суждений: I и E. O-суждения — разновидность I-суждений с отрицательным предикатом, а общеутвердительные суждения составные (I&E). В этом он радикально расходится с традиционной трактовкой, согласно которой A-суждения чисто обратимы в общеотрицательные. В трактовке же Кэрролла такой общеотрицательный эквивалент дополняется непустотой субъекта исходного суждения.

В кэрроловской силлогистике выводятся 624 правильных модуса, а использование дополнительных правил отбрасывания позволяет легко и просто перейти к силлогистикам Лейбница (24 модуса), Аристотеля (19 модусов) и Гильберта (15 модусов). Тем самым выявляется внелогический характер ограничений этих систем, поскольку в них отбрасываются модусы, содержащие суждения с отрицательными терминами-субъектами, E-суждения с отрицательными предикатами, а также A-суждения, в которые входят как часть I-суждения с отрицательным предикатом. Однако все указанные модусы вполне допустимы в силлогистике Кэрролла, которая оказывается наиболее общей силлогистической системой [2].

Подход Кэрролла открывает нетривиальные возможности и за рамками силлогистики: от решения логических задач и моделирования сетей формальных нейронов до семантики неэкстенциональных контекстов [5]. Экстенционалистская редукция интенциональных отношений в семантике возможных миров к квантификации по мирам ведет к утрате ряда интуиций необходимости и возможности Лейбница, впервые предложившем идею возможных миров исходя из различения истин разума (аналитических, истинных a priori) и истин факта (синтетических, истинных a posteriori). В кэрроловской логике предметная область строится исходя из конкретного задания всех возможных состояний универсума. Диаграммы Кэрролла — графическое изображение этих состояний, полученных с применением конкретных средств

описания (терминов), что определяется конкретным контекстом. Это не возможные миры, а мир возможного.

Логика Кэрролла не нуждается в экзистенциальных (онтологических) допущениях о предметной области, поскольку является «теорией возможного существования». Тем самым она оказывается логикой апофатичной, не зависящей в своих законах и семантике от знания о реальном мире. Начиная со всех возможных (иногда весьма экзотических, «лишенных смысла») комбинаций терминов, вроде бы — с «безответственной» словесной игры, мы получаем возможность строгого анализа информации, чтобы с учетом данных опыта получать новое знание. Апофатический нонсенс оказывается необходимым условием истины.

Литература

1. Гильберт Д., Аккерман В. *Основы теоретической логики*. М.: ГИИЛ, 1947.
2. Тульчинский Г. Л. Аристотель = Льюис Кэрролл – (Лейбниц + Гильберт + Лукасевич), или Отрицательные термины и экзистенциальность силлогистики. *Философская и социологическая мысль*. 1996, № 1–2.
3. Тульчинский Г. Л. Лента Мёбиуса прагмасемантики смысла: от культуры через субъектность в ничто — и обратно. *Слово.ру: балтийский акцент*. 2023, т. 14, № 4, с. 8–30.
4. Тульчинский Г. Л. Логика Льюиса Кэрролла и гипотеза Лукасевича. *Логика, язык и формальные модели*. СПб: Изд. СПбГУ, 2012, с. 152–159.
5. Тульчинский Г. Л. От Слинина к Кэрроллу и обратно: апофатика и нонсенс как предпосылки логического анализа. *Логико-философские штудии*. 2022, т. 20, № 2, с. 23–53.
6. Хофштадтер Д. *Я — странная петля*. М.: АСТ, 2022.
7. Badiou A. *Being and Event*. New York: Continuum, 2007.
8. Carroll L. *Logical nonsense. The works of Lewis Carroll*. New York: Putnam, 1934.
9. Dodgson Ch. L. *Lewis Carroll's Symbolic Logic*. New York: Clarkson N. Potter, 1977.
10. Kirk D. F. *Charles Dodgson, Semeiotician*. Gainesville: University of Florida Press, 1962.
11. Damasio A. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon, 2010.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в БФУ им. Иммануила Канта.